

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ПРОФСОЮЗОВ**

ЯЗЫК И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

**Материалы V Межвузовской научно-практической конференции
24–25 апреля 2008 года**

Рекомендовано к публикации
редакционно-издательским советом СПбГУП,
протокол № 13 от 21.05.08

**Санкт-Петербург
2008**

ББК 81

Я41

Научный редактор

С. Р. Абрамов, заведующий кафедрой английского языка
Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов,
доктор филологических наук, доцент

Рецензенты:

Л. Б. Колчук, заведующая кафедрой германской филологии
Российского государственного педагогического
университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург),
доктор филологических наук, профессор;

Ю. В. Зобнин, заведующий кафедрой
литературы и русского языка СПбГУП,
доктор филологических наук, профессор

**Язык и межкультурная коммуникация: материалы V Меж-
вузовской научно-практической конференции, 24–25 апреля
2008 г. — СПб.: Изд-во СПбГУП, 2008. — 384 с.**

ISBN 978-5-7621-0454-8

Материалы очередной конференции, прошедшей в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов, отражают широкий спектр актуальных вопросов общего и частного языкознания, теории и практики перевода, прикладной лингвистики и литературоведения.

Особое место уделено проблемам межкультурной коммуникации, формированию межкультурной компетенции студентов.

Издание адресовано преподавателям вузов, аспирантам и студентам гуманитарных специальностей.

ББК 81

ISBN 978-5-7621-0454-8

© СПбГУП, 2008

8. Улыбина Е. В. Психология обыденного сознания. М., 2001.
9. Encyclopedia of Language and Education / ed. Leo van Lier & David Corson. Dordrecht; Boston; L., 1997. Vol. 6: Knowledge about Language.
10. Kashkin V. B. Chapter 9: Metalinguistic Activity and Everyday Philosophy // Language in Action. Vygotsky and Leontievian legacy today. Cambridge, 2007. P. 179–202.
11. Maturana H. Science and Daily Life: The Ontology of Scientific Explanations // Self-Organization: Portrait of a Scientific Revolution / ed. W. Krohn et al. Dordrecht; Boston, 1990. С. 13–35.
12. Mori Y. Epistemological Beliefs and Language Learning Beliefs: What Do Language Learners Believe About Their Language // Language Learning. 1999. сб. 49: 3. September. P. 377–415.
13. Schommer M. Walker K. Are epistemological beliefs similar across domain? // Journal of Educational Psychology. 1995. № 87: 3. P. 424–432.

А. В. Лашкевич,

профессор кафедры зарубежной литературы
Удмуртского государственного университета (Ижевск),
доктор филологических наук

СОВРЕМЕННАЯ ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ТЕКСТА: ГЕРМЕНЕВТИКА НАРРАТИВА

Одной из теоретико-методологических моделей (эпистем), или «стратегий чтения», в постклассической феноменологии текста, которая развивалась преимущественно в странах Западной Европы и США в последней четверти XX столетия, является нарратологическая герменевтика.

Ее базовой установкой, которую разделяют и другие эпистемы постклассической феноменологии текста¹, является понимание текста как единственного адекватного субститута реальности, способного не только выражать, но и формировать базовые структуры бытия и сознания, придавать форму культурному творчеству и его осмыслению. Герменевтика повествования принимает и другую общую методологическую установку: любое прочтение литературного феномена (текста, дискурса) является одновременно его интерпретацией, то есть

---

¹ Постструктуралистская семиотика (деконструкция), рецептивная эстетика, собственно нарратология, теория дискурса и межкультурной коммуникации.

целенаправленным смещением из устоявшейся системы научных оценок и конвенций в новую контекстуальную и смысловую парадигму. Так, герменевтика рассматривает текст как своеобразное сгущение смыслов, которое должно быть определенным образом истолковано, объяснено, интерпретировано [1].

Как теоретико-методологическая модель (эпистема), герменевтика повествовательного текста обладает рядом специфических особенностей. Сохраняя базовые основания и принципы классической герменевтической задачи — объяснение путем истолкования «темных» (непонятных) мест заданного текста, — герменевтика повествования в своей экзегетической развернутости строится несколько иначе, нежели классические объясняющие интерпретации. Дело в том, что исследуемый текст в перспективе герменевтической нарратологии выступает как со-бытийный феномен по отношению к бытийным (онтическим) случайностям, ситуациям и приключениям. Герменевтическое восприятие и понимание текста, разворачивающегося как со-бытие, отличается от его восприятия и понимания в деконструкции как неподвижной данности, заключающей в себе целостность человеческого опыта и подлежащей в той или иной форме анализу, дескрипции и смещению в иные смысловые контексты.

В случае обращения к нарративному тексту предметом осмысления в герменевтическом круге выступают не столько моменты «непонимания», обнаруживаемые внутри текста, сколько первичные условия возникновения и бытования того или иного текстуального феномена, его контекстуальные и интертекстуальные связи и рецептивно-коммуникативные аспекты. Герменевтическая задача в таком случае состоит, во-первых, в критическом переосмыслении уже устоявшихся контекстуальных понятий и оценок, которые, будучи смещены исследователем в дискурсивное поле изучаемых текстов, теряют свою самоочевидность, состоятельность и общепризнанную легитимность. Эти понятия и оценки оказываются у исследователя «в подозрении», которое необходимо рассеять в ходе герменевтического истолкования (интерпретации), чтобы вывести читательское восприятие из привычного горизонта эпистемологических стереотипов к новым перспективам «понимающего разума». В терминологии М. Хайдеггера такая интерпретационная деятельность называется «деструкцией традиции».

Во-вторых, герменевтический («со-бытийноведческий») подступ осуществляется именно к *нарративу*, то есть к повествовательному

тексту как речевому акту, имеющему своеобразную системно-структурную организацию и вступающему во взаимодействие (интеракцию) с другими дискурсивными жанрами и текстуальными порядками. Это ведет исследовательскую мысль не только «вглубь» интерпретируемого феномена, но и к его внешним, онтологическим аспектам, к той области культуры, в которой этот текст осуществляет себя как *со-бытие*.

Можно сказать, что герменевтический круг интерпретаций нарратива, охватывая более обширные и сложные, чем отдельный текст, феномены словесности, такие как «речевой жанр», «дискурс», «интертекстуальность», «коммуникация», «смягчает» свою «жесткую» круговую «геометрию». Он превращается в эллипс, или двухъядерный овал, в котором образуются два центра сгущения смыслов — эйдетический, стягивающий вокруг себя истолкования образов, идей, концептов, стереотипов, и так далее и логолексический [2], в пределах которого выявляются как традиционные приемы словесного выражения смысла (риторика), так и «неожиданные» сочетания слов и семантических тропов (поэтика).

Герменевтическая экзегеза, таким образом, выстраивается в двух направлениях: 1) «от» *со-бытия/текста* к *со-бытию* дискурса (корпусу однородных текстов), или от текста к *кон-тексту* (дискурсам другого рода и порядка); и 2) от событийного ряда культуры (культурных коллизий) к их словесному воплощению (нарративному тексту/дискурсу). По ходу разворачивания герменевтической мысли происходит *деструкция традиции*, то есть аккуратная замена сложившихся эпистем новым опытом знания и понимания. Экзистенциальный статус герменевтики сохраняется в этом возвратно-поступательном движении герменевтической мысли к проблемам «*бытия сущего*» [3]. При этом «возвращение» герменевтической мысли к бытию происходит уже в сверхконтекстуальной сфере, а именно — в области онтологии и феноменологии культурных коллизий, которыми заполняется бытие отдельной личности (*Da-Sein*) и определяются его коммуникации с Другими, то есть осуществляются культурное общение и сообщение. Так герменевтика выходит к соседствующим с ней исследовательским практикам феноменологии текста — рецептивной эстетике, нарратологии и деконструкции.

Иными словами, в герменевтике нарратива происходит сочетание экзегетики/истолкования как «акта понимающего разума» и аналитической дескрипции (структурно-семиотического анализа). При этом

внимание исследователя привлекается к двум базовым структурам повествования — к событийному диегезису различных фикциональных и нефикциональных, коллективных и персональных повествовательных жанров/дискурсов (устная анекдотика, документальная история, эпос, литературная журналистика, дайаристика, эпистолярика) и к специфике фокализации событийного ряда (рефигурациям нарратора). В каждом случае исследовательская «ось» герменевтики нарратива располагается между аналитико-дескриптивным диегезисом и фигуративно-поэтической экзегезой, реализуя базовый компонент герменевтической практики — о-смысление значений и о-значение смыслов.

Литература

1. *Вольский А.* Герменевтика поэтического текста // Понимание и существование: сб. докл. междунар. науч. семинара. Минск, 2000. С. 124–132 // <http://www.biblioteka.org.ua/book.php?id=1120001220&p=14>. С. 125.

2. *Женетт Ж.* Фигуры: Работы по поэтике. М., 1998. Т. 2; *Шмид В.* Нарратология. М., 2003 // http://yanko.lib.ru/books/lit/shmid=narratology=a.htm#_Точ69112230; *Бергельсон М. Б.* Моделирование культурно обусловленной коммуникативной компетентности с помощью когнитивных категорий: анализ повседневных рассказов и представление знаний // Российская конференция по когнитивной науке: тез. докл. Казань, 2004. С. 29–31.

3. *Щитцова Т. В.* К герменевтике события у Хайдеггера и Бахтина; *Гучинская Н. О.* Метафора как инструмент толкования // Понимание и существование: сб. докл. междунар. науч. семинара. Минск, 2000. С. 27–32.

Ю. М. Шор,

профессор кафедры культурологии СПбГУП,
доктор философских наук

ЯЗЫК — «ДОМ БЫТИЯ»

В заголовок вынесена формулировка великого немецкого философа Мартина Хайдеггера (1889–1976). Слово — не просто обозначение предмета или явления. Слово — символично-смысловое пространство культуры, ее поименованная сфера. Слово — это жизнь культуры в Слове.

Размышляя о кризисе современности, немецкий мыслитель говорил прежде всего о кризисе языка, о трансформации языка, исчезновении в нем эмоционально-смысловой толщи. В условиях современной мас-